

**ЗВЕЗДЫ
КЛАССИЧЕСКОГО
ДЕТЕКТИВА**

РЕКС СТАУТ

Слишком много
поваров

•

Где Цезарь
кровью истекал...

Санкт-Петербург

Слишком много поваров

ПРЕДИСЛОВИЕ

Я использовал как можно меньше французских и разных причудливых слов в написании этого дела Ниро Вулфа, но я не мог вообще обойтись без них из-за людей, которые были вовлечены в эти события. Я не несу ответственности за орфографию, поэтому не пишите мне об ошибках. Вулф отказался мне помочь, и я вынужден был пойти в Языковую школу Хайнемана и заплатить профессору тридцать баксов, чтобы тот исправил мои записи французских слов. В большинстве случаев, когда кто-нибудь произносил то, что для меня было лишь пустыми звуками, я просто опускал сказанное, если оно было не важно, или каким-то образом старался передать основную идею на американском языке.

Арчи Гудвин

ГЛАВА 1

Я медленно прогуливался по платформе Пенсильванского вокзала. Мне необходимо было немного прийти в себя, потому что у меня создалось ощущение, будто я только что втащил по жаре пирамиду Хеопса на крышу Эмпайр-стейт-билдинг. Я остановился, вытер со лба пот, зажег сигарету и не торопясь продолжил прогулку. Не успел я сделать и трех затяжек, как в окно, мимо которого я проходил, постучали. Я наклонился и поймал полный отчаяния взгляд Вулфа, которого мне еле-еле удалось разместить в купе пульмановского вагона. Что есть мочи он заорал через закрытое окно:

— Арчи! Черт бы тебя побрал! Иди сюда! Поезд сейчас тронется, а у тебя билеты!

— Вы же сказали: там слишком тесно, чтобы курить! — завопил я в ответ. — Еще только тридцать две минуты десятого! И вообще, я раздумал ехать! Приятного времяпрепровождения!

Я побрел дальше. Билеты, как же! Не это его беспокоит. Он трясется от страха, потому что один в поезде, а поезд ведь может поехать. Он ненавидит движущиеся предметы и обожает доказывать, что в девяти случаях из десяти место, куда человек едет, ничуть не лучше того, откуда он уехал. Потому я и не стал спорить, когда, собираясь в поездку на четыре дня, он взял с собой три саквояжа, два чемодана и два пальто.

И это в апреле! На вокзал пришлось приехать за двадцать минут до отхода поезда.

Фриц Бреннер провожал нас со слезами на глазах, а Теодор Хорстман, когда мы уже сели в наш седан, выбежал на улицу, чтобы задать еще несколько дюжин вопросов об орхидеях. И даже у Сола Пензера, когда он привез нас на вокзал и начал прощаться с Вулфом, задрожал голос. Можно было подумать, что нас запускают в космос проверить, все ли звезды на месте.

И вот, как раз когда я собрался выкинуть окурочек в щель между поездом и платформой, мне на глаза попала одна звездочка. Она прошла совсем близко и обдала меня ароматом, который, хотя и вышел из парфюмерного флакона, но показался мне вполне естественным. Таким же естественным казался цвет ее лица, хотя допускаю, что он тоже плод парфюмерного искусства. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что это создание не серийного производства, а тонкой ручной работы. Девушка шла под руку с высоким грузным мужчиной в коричневом плаще и коричневой широкополой шляпе. Вслед за проводником они вошли в следующий за нами вагон. Мурлыча под нос: «Все, что у меня было, — это мое сердце, а теперь и оно пропало», я с притворным равнодушием пожал плечами и вошел в вагон, когда просигналили отправление.

Вулф сидел на широком диване у окна и держался за поручень обеими руками. Тем не менее, когда поезд тронулся, его качнуло взад и вперед. Уголком глаза я заметил бешенство на его лице, но решил не обращать внимания и, вытащив из чемодана журнал, уселся в углу. Все еще не расцепляя рук, он заорал в мою сторону:

— Мы прибудем в Канова-Спа завтра утром в одиннадцать двадцать пять! Четырнадцать часов! В Питс-

бурге наш вагон прицепят к другому поезду! В случае поломки нам придется ждать вечернего поезда! Если что-нибудь случится с нашим двигателем...

Я холодно прервал его:

— Я не глухой, сэр. Вы можете плакаться сколько угодно, этим вы утруждаете только собственные легкие. Но я решительно возражаю против любых упреков — выражаются они в словах или в вашем тоне, — будто я виноват в этих неудобствах. — Я специально приготовил прошлой ночью эту фразу, так как знал, что она мне понадобится. — Это путешествие — ваша затея. Вы хотели поехать, по крайней мере вы хотели оказаться в Канова-Спа. Шесть месяцев назад вы пообещали Вукчичу, что приедете шестого апреля. Теперь вы жалеете об этом. И я тоже. Что же касается двигателя, то на таких поездах установлены самые новые и лучшие, и даже ребенку ясно...

Поезд выехал из тоннеля под рекой и продолжал набирать скорость на просторах Джерси.

— Двигатель состоит из двух тысяч трехсот девяти подвижных частей! — прокричал Вулф.

Я отложил журнал и ободряюще улыбнулся ему. Он патологически боится механизмов. Нельзя позволять ему думать об этом, а то нам обоим будет хуже. Надо поскорее на что-то его переключить. Но прежде чем мне удалось найти приятную тему, возникло одно обстоятельство, свидетельствующее о том, что, как бы Вулф ни бесновался, пока я курил на платформе, он не до конца потерял присутствие духа. Дверь приоткрылась и пропустила проводника со стаканом и тремя бутылками пива на подносе. Проводник откупорил бутылку, вылил пиво в стакан, поставил оставшиеся две на столик, положил открывалку, получил от меня плату и удалился. Поезд на повороте слегка качнуло, и лицо Вулфа исказила ярость. Затем поезд

пошел плавно, Вулф взял стакан, отхлебнул раз, другой, третий и поставил его пустым на столик. Слизнув с губ пену, он тщательно вытер рот платком и принялся оглядываться по сторонам уже без малейших признаков истерики:

— Прекрасно. Не забыть сказать Теодору, чтобы он следил за температурой в оранжерее.

— Закажите разговор из Филадельфии.

— Спасибо. Я страдаю, и ты это знаешь. Не затруднит ли вас, мистер Гудвин, если я попрошу достать из чемодана мою книгу? Это «Внутри Европы» Джона Гунтера.

Я взял чемодан и выудил книгу.

В течение получаса мы мирно катили по ночному Джерси. Все три бутылки опустели, Вулф склонился над книгой и, судя по тому, что он переворачивал страницы, углубился в чтение. Я просматривал статью о сопоставлении улик в «Журнале криминалистики». Но сопоставление улик мало занимало меня. Мой мозг трудился над проблемой, как уложить Ниро Вулфа спать. Разумеется, дома он раздевался сам, и я не служил у него лакеем — всего лишь секретарем, телохранителем, детективом и козлом отпущения. Однако факт есть факт: скоро полночь, а он сидит в костюме, и необходимо изобрести способ, как его раздеть, чтобы при этом не перевернулся поезд. И дело не только в его неповоротливости, просто у него отсутствует навык поддерживать равновесие в движущемся транспортном средстве. О том, чтобы стащить с него брюки, когда он сидит, не может быть и речи: в нем от двухсот пятидесяти до пятисот фунтов. Насколько я знаю, его никогда не взвешивали, и об истинном его весе можно только гадать. Я напряженно обдумывал эту задачу и уже было решил исходить из условного веса триста десять фунтов, как к нам постучали. Я крикнул, что дверь не заперта.

Вошел Марко Вукчич. Из его телефонного разговора с Вулфом около недели назад я узнал, что он едет тем же поездом. Последний раз мы виделись у нас за обедом в начале марта. Вукчич — один из двух человек, не считая служащих, кого Вулф зовет по имени. Вукчич прикрыл за собой дверь и встал посреди купе, как лев на задних лапах — не толстый, но огромный, с непослушной гривой волос.

— Марко! — заорал ему Вулф. — Разве у тебя нет спального места? Какого черта ты прыгаешь в утробе этого чудовища?!

Вукчич улыбнулся, показав крепкие белые зубы:

— Ниро, проклятый старый отшельник! Я не сижу, подобно тебе, как улитка в своей раковине. Но, так или иначе, ты в поезде — вот это победа! Я нашел тебя и еще одного коллегу, которого не видел пять лет. Он едет в следующем вагоне. Я предложил ему встретиться с тобой. Он будет рад, если ты придешь к нему в купе.

Вулф сжал губы:

— Это просто смешно. Я не акробат. И не собираюсь вставать с места, пока эта штука не остановится.

— Каким же образом тогда... — Вукчич расхохотался и поглядел на груды багажа. — Но, похоже, у тебя есть все необходимое. Да я и не предполагал, что ты пойдешь. Я лучше приведу его сюда, если можно. Об этом я и пришел спросить.

— Сейчас?

— Сейчас.

— Прошу тебя, Марко, — покачал головой Вулф. — Посмотри на меня. Я не в состоянии поддерживать светский разговор.

— Ненадолго, только поздороваться.

— Нет. Думаю, что не смогу. Ты отдаешь себе отчет, что, если эта штуковина натолкнется на какое-нибудь препятствие, мы полетим вперед со скоростью

восемьдесят миль в час? Разве это обстановка для приятного времяпрепровождения? — Он снова сжал губы и лишь слегка пошевелил ими, чтобы произнести: — Завтра!

Вукчич, который почти так же, как Вулф, привык добиваться своего, попробовал настаивать, но это ни к чему не привело. Он попытался взять его уговорами — и это не подействовало. Я зевал.

Наконец Вукчич решил плюнуть на свою затею:

— Ну ладно, завтра. Если мы не наткнемся на препятствие и останемся в живых. Я скажу Берену, что ты лег спать.

— Берену? — Вулф выпрямился и даже ослабил свою мертвую хватку. — Это не Жером Берен?

— Он самый. Он один из пятнадцати.

— Приведи его. — Вулф прикрыл глаза. — Обязательно. Я хочу его видеть. Почему, черт побери, ты сразу не сказал, что это Берен?!

Вукчич махнул рукой и вышел. Минуты через три он вернулся и придержал дверь для своего спутника. Вернее, их оказалось двое, и наиболее интересный, с моей точки зрения, вошел первым. Она успела снять свою накидку, но осталась в шляпе, и от нее шел тот же свежий и пьянящий запах, что и на платформе. Я разглядел, что она молода, как любовная греза, и при этом освещении глаза у нее темно-фиолетовые. Ее губы говорили о том, что она сдержанна, но любит посмеяться. Вулф окинул ее удивленным взглядом и переключил внимание на высокого грузного мужчину позади нее, которого я узнал даже без коричневого плаща и шляпы.

Вукчич представил собравшихся друг другу: мистер Ниро Вулф, мистер Гудвин, мистер Жером Берен, его дочь, мисс Констанца Берен.

Поклонившись, я предоставил им продолжать знакомство, а сам занялся устройством сидений в нуж-

ном мне порядке. В результате три толстяка разместились на диване, любовная греза — на стуле, а я — рядом с ней на чемодане. Она одарила меня дружеской улыбкой и отвернулась. Уголком глаза я заметил, как скривился Вулф, когда Вукчич вынул сигару, а Берен набил старую трубку и скрылся в облаках дыма. Узнав, что он ее отец, я начал испытывать к нему самые дружеские чувства. У него были черные с проседью волосы, борода, в которой седины было еще больше, и глубокие блестящие черные глаза.

— Это мой первый приезд в Америку, — говорил он Вулфу. — Я только сейчас понял ее прелесть. В поезде чистота. Никакого мусора! А движение плавное, как полет чайки. Замечательно!

Вулфа передернуло, но Берен не заметил. Он продолжал свое. Словами «первый приезд в Америку» он немного испугал меня. Я наклонился к своей грезе и шепотом спросил:

— Вы говорите по-английски?

— О да, — улыбнулась она. — И даже неплохо. Мы прожили три года в Лондоне.

— О'кей, — кивнул я и занял положение, в котором было всего удобнее на нее смотреть.

Я размышлял о том, как мудро поступил, не надев супружеского ярма на свою шею ни в одну из прежних попыток. Иначе сейчас мне пришлось бы скрежетать зубами. Стало быть, нужно держаться, пока зубы у меня еще достаточно крепкие. И вообще, смотреть никому не запрещено.

В это время ее отец говорил:

— Как я понял со слов Вукчича, вы почетный гость Сервана. Значит, последний вечер будет вашим. Впервые Америка удостоилась такой чести. В тысяча девятьсот тридцать втором году в Париже нас приветствовал премьер-министр, а председателем был еще

живой Арман Флэри. А в тысяча девятьсот двадцать седьмом — Ферид Халдах, тогда еще не профессионал. Вукчич говорит, что вы блюститель порядка. Это правда?

— Не совсем так, — кивнул Вулф. — Я не полицейский, а частный детектив. Я заманиваю преступников в ловушку и ищу улики, чтобы арестовать их. И делаю это за деньги.

— Невероятно! Такая грязная работа!

Вулф попытался пожать плечами, но помешал толчок поезда. Его грозный взгляд предназначался не Берену, а поезду.

— Возможно. Каждый выбирает дело, которое способен делать без отвращения. Фабрикант детских колясок запутывается в паутине монополий и превращает рабочих в орудие для достижения своих корыстных целей. Безголовые политиканы стреляют друг в друга, и их мозги сгнивают прежде, чем им успевают поставить памятники. Мусорщику приходится копаться в пищевых отходах, а сенатору — в доказательствах коррупции высокопоставленных чиновников. И как знать, что грязнее? Дело только в том, что мусорщик получает меньше, — это единственное реальное различие. А я не пачкаю рук задаром, я назначаю высокую плату.

Берен проглотил все это.

— Но вы ведь не собираетесь делать для нас доклад о пищевых отходах, не так ли? — усмехнулся он.

— Нет. Мистер Серван попросил меня выступить на тему, как он сам сформулировал ее: «Contributions Americaines à la Haute Cuisine»¹.

— Ба! — фыркнул Берен. — Но тут не о чем говорить!

¹ Вклад американцев в высокую кухню (фр.). — Здесь и далее примеч. перев., кроме особо оговоренных.

Вулф поднял брови:

— Не о чем, сэр?

— Не о чем. Мне говорили, что во многих американских семьях неплохо готовят. Я сам не пробовал. Я слышал о кукурузных лепешках, похлебке из моллюсков и молочном соусе. Это наверняка вкусно, но это для всех. И конечно, не представляет интереса для мастеров высокой кухни. — Он снова фыркнул. — Все эти блюда имеют такое же отношение к высокой кухне, как сентиментальные любовные песенки к Бетховену или Вагнеру.

— Действительно. — Вулф ткнул в него пальцем. — Пробовали вы тушенную в масле черепаху или куриный бульон с хересом?

— Нет.

— А кусочки мясного филе на вертеле, два дюйма толщиной, из которого под ножом сочится горячий красноватый сок? Оно подается с американской петрушкой, тонкими ломтиками лимона и картофельным пюре, которое тает во рту. Можно еще украсить отваренными свежими грибами.

— Нет.

— А новоорлеанский рубец по-креольски? А миссурийский окорок из графства Бун, который запечен с уксусом, патокой, вустерским соусом, сладким сидром и травами? А цыплят маренго? Или курицу в яичном соусе с изюмом, луком, миндалем, хересом и мексиканскими колбасками? Или опоссума по-теннессийски? Или омара «Ньюбур»? Или филадельфийский черепаховый суп? Но я и так вижу, что нет. — Вулф снова ткнул в него пальцем. — Не спорю, для кулинара Франция — рай. Но он хорошо сделает, если будет интересоваться кухней других стран. Мне доводилось есть рубец по-кайеннски у Фарамона в Париже. Он превосходен, но не лучше, чем рубец по-креольски, который не нужно проталкивать в горло

с помощью вина. В юности, когда был легче на подъем, я пробовал буйабес в Марселе, его колыбели и храме. Могу сказать, что он лишь для того, чтобы утолить голод, и не идет ни в какое сравнение с новоорлеанским буйабесом. Если у вас нет красного луциана...

В течение секунды мне казалось, что Берен собирается плюнуть ему в лицо. Предоставив им самим разбираться между собой, я наклонился к Констанце:

— Я вижу, ваш отец — хороший повар.

Фиолетовые глаза удивленно посмотрели на меня из-под поднятых бровей.

— Он шеф-повар «Корридона» в Сан-Ремо. Разве вы не знали?

— Да, — кивнул я, — видел список пятнадцати. Вчера в «Таймс». Только теперь вспомнил. А вы сами умеете готовить?

— Нет. Ненавижу это занятие. Единственное, что я умею, — это варить хороший кофе. — Ее взгляд спустился к моему галстуку, на мне был темно-коричневый в горошек, который очень шел к песочного цвета рубашке в тонкую полоску. — Я не расслышала ваше имя, когда мистер Вукчич знакомил нас. Вы тоже детектив?

— Меня зовут Арчи Гудвин. Арчибальд означает «святой и добрый», но мое имя не Арчибальд. Никогда не слышал, как француженка произносит «Арчи». Пожалуйста, попробуйте.

— Я не француженка. — Она нахмурилась. Кожа у нее была такая гладкая, что морщинки напоминали неровности на поверхности нового теннисного мяча. — Я каталонка. И уверена, что смогу выговорить «Арчи». Арчиарчиарчи. Ну как?

— Изумительно!

— Так вы детектив?

— Конечно. — Я достал бумажник, порылся в нем и вытащил рыболовную лицензию, полученную прошлым летом в штате Мэн. — Смотрите. Видите мое имя?

Она стала читать, с сомнением покачала головой и вернула лицензию мне.

— А что такое Мэн? Ваш участок?

— Нет. Понимаете, у нас в Америке два типа сыщиков, более или менее дееспособных. «Мэн» означает, что я отношусь к тем, которые «менее». То есть мне почти не достается тяжелой работы — поить коней, расстреливать пленных или смазывать древопроводные желоба. Я всего лишь шевелю мозгами — например, ко мне обращаются, когда не знают, что делать. А вот наш мистер Вулф принадлежит к тем, кто «более». Вы же видите, какой он крупный и сильный. И бегаёт, как олень.

— Но... при чем тут кони?

Я терпеливо объяснил:

— В этой стране закон запрещает убивать человека, если у вас нет на него коня. Когда трое или больше джентльменов играют в кости на выпивку, часто звучит: «Конь на тебя» или «Конь на меня». Вы не сможете безнаказанно выстрелить, если сначала не произнесете эти слова. А еще есть выражение «кобылье гнездо» — так говорится о чем-то ложном, несуществующем. В кобыльем гнезде живут только кобылы, жеребцов не бывает. «Конские перья» — тоже странный оборот. Ну откуда у коня перья?..

— Что такое кобыла?

Я прочистил горло:

— Противоположность жеребцу. Как вы знаете, все должно иметь свою противоположность. Правое не может быть без левого, или верх без дна, или лучшее без худшего. Точно так же не может быть кобылы без жеребца или жеребца без кобылы. Если взять, скажем, десять миллионов жеребцов...

Я был так поглощен болтовней с прекрасной каталонкой, что перестал вслушиваться в общий разговор. Внезапно Вукчич вскочил и пригласил мисс Бе-